

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ, ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

ОТЗЫВ

о диссертации Дизер Ольги Александровны на тему «Провокация преступления: уголовно-правовой аспект», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки)

REVIEW

of the thesis by Olga Dizer “Entrapment: Criminal Aspect” for a PhD in Law (12.00.08 – Criminal Law and Criminology, Criminal Executive Law)

Подготовка диссертационной работы по столь значимой на современном этапе развития общества тематике – сложная, кропотливая и ответственная работа, требующая глубокого погружения в проблемы исследования. Кроме того, в данной диссертации очевидно прослеживается прозорливость и обоснованность объединения смежных научных специальностей (здесь, в первую очередь, мы имеем ввиду уголовное право и ОРД) в одну, позволяющую проводить комплексные исследования в рамках научной специальности 5.1.4. – уголовно-правовые науки, что, несомненно, будет способствовать повышению их теоретической и практической значимости для российской науки и российского государства.

Диссертация Дизер Ольги Александровны посвящена исследованию провокации в уголовном праве, и представляет собой самостоятельно выполненную научно-квалификационную работу, результаты которой обладают свойствами научной новизны и теоретико-прикладной значимости.

Для успешного обеспечения безопасности личности, общества и государства, насущной необходимостью является организация правильного отправления правосудия и укрепления законности в российском обществе и государстве. В этой связи важно обеспечить единство понимания и применения органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие, надзор, защиту и собственно правосудие, уголовного и иного законодательства о противодействии противоправным проявлениям, в частности, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, с коим, на наш взгляд, связана рассматриваемая тема и на

---

¹ См., например: Крапива И.И. Соблюдение законности в оперативно-розыскной деятельности и провокация / И.И. Крапива // Журнал российского права. – 2009. – № 3. – С. 87–92; Савинский А.В. Оперативный эксперимент: провокация или правомерное оперативно-розыскное действие / А.В. Савинский // Актуальные проблемы правовой науки: матер. междунауч. научно-практ. конф. (Архангельск, 30 октября 2009 г.). Вып. 5; сост.: Савельев И.В.; отв. ред. Т.Д. Матвеева. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2011. – С. 277–285; Зенкин А.Н. Провокация преступления как обстоятельство, исключаящее преступность деяния / А.Н. Зенкин // Законность. – 2015. – № 6 (968). – С. 26–31; Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него / С.Ф. Милуков, А.В. Никуленко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 4 (40). – С. 45–53; Провокация преступлений в теории и практике уголовного права : науч.-аналитический обзор / под ред. А.А. Чистякова, Г.С. Шкабина. – Рязань: Ряз. фил. Моск. ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя, 2016. – 62 с.; Дорогин

этой основе модернизировать соответствующие нормы УК РФ, усовершенствовать практику их применения.

К нашему большому сожалению, даже новейшее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» попросту проигнорировало вопросы квалификации ст. 304 УК РФ¹.

Тема диссертационного исследования, без сомнения, весьма актуальна. Она определяется комплексом причин: во-первых, социально-правовой природой рассматриваемого диссертантом явления, а она представляется таковой, что преступления, совершаемые против правосудия, к которым относится провокация (мы имеем ввиду ст. 304 УК РФ) не только дискредитируют всю государственную власть, но и способствуют снижению авторитета ее сотрудников и формированию негативного общественного мнения относительно государственной власти, системы правосудия и правоохранительной системы в целом (с. 3), а, с другой стороны, выступает действенным средством изобличения коррупционеров, в первую очередь, взяточников, ловле «на живца» педофилов, в качестве средства, побуждающего преступника к активным действиям с целью выдать себя для последующего его задержания, то есть правомерным, и даже общественно полезным; во-вторых, тем, что в настоящее время несовершенство уголовного закона и оперативно-розыскного законодательства не позволяет четко разграничить провокацию и иные, в том числе правомерные, уголовно-правовые явления. Более того, в ряде исследований доминирует позиция, когда провокация консолидируется с подстрекательством или законным ОРМ (с. 5); в-третьих, сходством провокационных и подстрекательских действий не позволяет провести четкое разграничение с институтом соучастия в уголовном праве; в-четвертых, широким общественным резонансом, вызываемым активными действиями правоохранительных органов при изобличении виновных в процессе оперативно-розыскной деятельности. Их наступательная роль в борьбе с преступностью зачастую рассматривается обывателем как произвол властей, но «в белых перчатках» преступления не раскрываются. Зачастую это приводит к формированию отрицательного отношения общества к правоохранительным органам, а само понятие правомерного насилия над лицами, совершившими общественно опасные деяния, отходит на второй план. Разумеется, такое можно объяснить правовым нигилизмом большей части населения, видящего в уголовном праве лишь карательные начала, но в коренной корректировке нуждается и правовое мышление сотрудников правоохранительных органов, которое должно быть ориентировано на обеспечение прав и свобод человека, прежде всего, потерпевшего; и, наконец, в-пятых, насущной потребности общества и, прежде всего, самих правоприменителей в формировании единого подхода к определению содержания понятия провокации преступления, появления в уголовном законодательстве норм, очерчивающих рамки правомерного оперативного эксперимента и других ОРМ от преступно-провокационных действий, приводящих к формальному нарушению склоняемым лицом уголовно-правовых запретов.

Д.А. «Провокация совершения преступления» как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность / Д.А. Дорогин // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права: науч. тр. каф. уголовного права. – М.: РГУП, 2017. – С. 39–52; Борков В.Н. Оперативная провокация как способ фальсификации (ч. 4 ст. 303 УК РФ) / В.Н. Борков // Законность. – 2017. – № 6 (992). – С. 30–34; Мидюков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке / С.Ф. Милуков, А.В. Никуленко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 1 (68). – С. 8–14; Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившее общественно опасное деяние: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2020. – 768с. и др. ученые-криминалисты.

¹ Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_010722-20.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

К тому же, в основе работы, на наш взгляд, присутствует дилемма, которую озвучили еще братья Вайнеры в романе «Эра милосердия» и В. Высоцкий в роли капитана Жеглова. Вспоминается то знаменитое: «Вор должен сидеть в тюрьме и граждан не интересует каким образом я его туда посажу».

Обращаясь к непосредственному анализу содержания работы, важно отметить, что она является хотя и не первым за последние пять лет, но достаточно крупным исследованием, затрагивающим проблемные аспекты общественных отношений, возникающих в связи с провокацией преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также со стороны иных лиц.

Актуальность диссертационной работы не вызывает сомнений. Следует согласиться с утверждением автора о том, что права и свободы человека являются и признаются высшей ценностью, составляя фундамент конституционного строя Российской Федерации (с. 3). Они обязательно должны учитываться законодателем при конструировании не только составов Особенной части УК РФ, но и, разумеется, в дозволительных нормах Общей части уголовного закона, в частности, закрепляющих обстоятельства, исключающие преступность деяния. Также представляются справедливыми указания автора на недостатки следственной, прокурорской и судебной практики, в рамках которых «допустимая провокация» выступает в качестве привычного способа решения вопроса, связанные с отсутствием единого подхода по ключевому признаку – понятию провокации и провокационных действий, а также уголовно-правовой оценке деяния спровоцированного лица. Несмотря на попытки нивелировать системно возникающие проблемы путем введения в ФЗ «Об ОРД» статьи, запрещающей провокацию, они не принесли должного результата, не безупречность, а также декларативность соответствующей законодательной формулировки ч. 8 ст. 5 Закона «Об ОРД» очевидна, вызывая объективные трудности толкования указанных положений в точки зрения соответствия уголовному закону сотрудниками правоохранительных органов, прокурорами, адвокатами и судьями (с. 4).

Анализ судебной практики, проведенный соискателем, показал, «несмотря на то, что провокация преступления заявляется в качестве предмета судебного рассмотрения в течение достаточно продолжительного времени, национальными судами так и не было сформировано устойчивого подхода в вопросах уголовно-правовой оценки действий провокатора и спровоцированного лица, а равно не акцентировано внимание на характер и степень участия полиции в совершаемых преступлениях», а за последние шесть лет (2016–2021 гг.) – по ст. 304 УК РФ нет ни одного осужденного (с. 5).

Очевидна необходимость повышения уровня правовой культуры населения, правового мышления сотрудников правоохранительных органов.

Выглядит очевидным «Желание законодателя регламентировать провокационную деятельность вполне естественно и обусловлено наблюдаемой тревожной тенденцией, когда при значительном количестве жалоб на провокацию преступления отсутствуют реальные статистические данные по количеству осужденных лиц, и связано это прежде всего с отсутствием единства во мнении, что считать провокацией преступления, как в теории уголовного права так и в правоприменительной практике» (с. 5). Признавая то обстоятельство, что современное российское законодательство уделяет больше внимания регламентации правомерного причинения вреда правоохраняемым интересам, не влекущего уголовной ответственности, приходится констатировать наличие насущной задачи ученых – правоведов и криминологов по дальнейшей углубленной разработке возникающих проблем с тем, чтобы дать законодателю приемлемые рецепты совершенствования уголовно-правовых нормы о провокации преступления, ее отличиям от подстрекательской и правомерной оперативно-розыскной деятельностью, а практикам – понятные для них рекомендации в целях эффективной защиты законопослушных граждан, интересов общества и государства.

Мы вполне солидарны с авторской оценкой *степени разработанности* темы. Несмотря на довольно пристальное внимание ученых-правоведов к рассматриваемой проблеме, многие вопросы «уголовно-правовой провокации», остаются неразрешенными.

О.А. Дизер была поставлена *цель* – формулирование понятия и признаков провокации преступления, отграничение её от схожих уголовно-правовых явлений; рассмотрение практики применения норм, регламентирующих уголовную ответственность за провокационную деятельность, исходя из существующих особенностей квалификации действий провокатора; построение научно обоснованных рекомендаций и предложений по совершенствованию уголовно-правовой борьбы с провокацией преступления; формулирование редакции нормы о провокации преступления с учетом теоретических и практических положений и механизма её действия (с. 8–9). На пути к достижению указанных целей, автором решался весьма обширный спектр *задач*: определить предпосылки установления и развития уголовной ответственности за провокационную деятельность; изучить правовую регламентацию уголовного законодательства зарубежных стран, предусматривающего ответственность за провокацию любого преступления; проанализировать понятие и признаки провокации преступления; установить соотношение провокации преступления с институтом соучастия в преступлении в уголовном праве; отграничить провокацию преступления от фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности; обосновать установление уголовно-правового запрета на провокацию преступления; выявить проблемы квалификации и разработать модель статьи о провокации преступления; проанализировать деяние спровоцированного лица и дать ему уголовно-правовую оценку; сформулировать рекомендации и предложения по совершенствованию уголовного законодательства, регулирующего ответственность за провокационную деятельность (с. 9). После внимательного ознакомления и досконального прочтения научного труда диссертанта у нас не осталось сомнений в том, что указанная цель была ею достигнута, а поставленные задачи успешно решены.

В достаточной степени разработаны автором *теоретическая, методологическая, нормативная и эмпирическая основы исследования*. В частности, при подготовке диссертации, помимо всего многообразия методов научного познания, автором использованы: постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и определения Конституционного Суда Российской Федерации по делам, где провокация преступления заявлялась в качестве предмета судебного разбирательства; обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации начиная с 2011 г.; результаты анкетирования 167 граждан и 94 сотрудников правоохранительных органов (следователей, дознавателей, оперуполномоченных уголовного розыска и сотрудников прокуратуры); изучены 108 приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции различных субъектов Российской Федерации, по тематике диссертации за период 2017–2021 гг.; сведения, размещенные в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, отражающие уголовно-правовые, криминологические и межотраслевые изыскания других авторов по аналогичной проблематике, а также статистические данные центров, проводивших независимые опросы граждан по вопросам провокации преступления. При написании диссертации, помимо вышеперечисленного, использовались опубликованные итоговые результаты научных исследований других ученых (с. 15–16). Этим же, среди прочего, в значительной степени гарантирована *достоверность результатов исследования и его надлежащий научный уровень*.

Репрезентативность эмпирического материала, соблюдение методологических принципов и методических требований к проведению социально-правовых исследований, внутренняя непротиворечивость представленных в диссертации суждений, соответствие теоретических выводов эмпирическим данными документального и социологического анализа, свидетельствует о *достоверности и обоснованности* сформулированных О.А. Дизер положений, выводов и рекомендаций. Авторские суждения базиру-

ются на доказанных и корректно используемых выводах уголовно-правовой и криминологической наук, а полученные результаты согласуются с иными независимыми источниками по теме диссертации.

Диссертации присуща научная новизна, поскольку сформулированные соискателем положения, выносимые на защиту, существенно расширяют сферу знаний в области провокации преступления. В частности, автором впервые на диссертационном уровне рассматриваются вопросы оценки действий как спровоцированного лица, так и провокатора, определены существенные признаки провокации преступления, сформулирован уголовно-правовой запрет, разработаны основания дифференциации уголовной ответственности, а также предложена редакция примечания, регламентирующего допустимость вынужденной провокации. Новаторство заключается и в соотношении провокации преступления с институтом соучастия и отграничению её от превышения должностных полномочий и фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности. Своё предметное выражение научная новизна работы нашла в положениях, выносимых О.А. Дизер на защиту (с. 11–15).

Также очевидна *теоретическая и практическая значимость* диссертации, которая выражается, прежде всего, в том, что его положения и выводы развивают отечественную уголовно-правовую доктрину в рамках регламентации и установления уголовной ответственности за провокацию преступления. В практическом плане проделанная работа может представлять огромный интерес для правоприменительной деятельности судебных и правоохранительных органов при квалификации преступлений, совершаемых провокатором или под его воздействием. Его результаты могут быть использованы и в нормотворческой деятельности при совершенствовании уголовного законодательства, а также в научной сфере и образовательном процессе.

Представленный труд прошел *солидную апробацию* на различного рода научно-практических форумах, путем внедрения его результатов в образовательный процесс и практическую деятельность, а также посредством их отражения в 17 научных публикациях, 5 из которых размещены в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, общим объёмом 4,96 п.л. Результаты диссертационного исследования внедрены в практику работы Управления уголовного розыска УМВД России по Омской области, Управления по контролю за оборотом наркотиков России, Белгородского ЛО МВД России на транспорте, а также в образовательный процесс Омской академии МВД России, Барнаульского юридического института МВД России, Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.

Диссертация О.А. Дизер производит весьма благоприятное впечатление.

В первой главе работы «Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за провокацию преступления: исторический и социально-правовой аспекты» исследуются аспекты зарождения и развития уголовной ответственности за провокацию преступления в отечественном уголовном законодательстве, а также вопросы уголовной ответственности за провокацию в зарубежном уголовном законодательстве.

На основе исторического анализа (*первый параграф*) памятников уголовного права автор приходит к обоснованному выводу о том, что длительное отсутствие нормы, регулирующей провокационную деятельность, привело к противоречивому пониманию данного явления. К тому же, в различные исторические промежутки времени, провокация нередко служила основным способом борьбы с теми или иными преступными проявлениями, прежде всего коррупцией (с. 20–21). Причём провокация успешно использовалась государственными органами и для политического розыска (с. 29 и др.), несмотря на негативную окраску, даваемую её в нормативных правовых актах того времени.

Мы выражаем полную солидарность с мнением автора, позволившем констатировать наличие цикличности в установлении ответственности за провокацию преступления, носившей довольно противоречивый характер – от признания провокации действенным способом в борьбе с преступностью до полного отказа от неё под угрозой уголовного наказания.

Во втором параграфе «провокация преступления» рассматривается в законодательстве пяти видов правовых семей. Установлено, что провокация учтена в законодательстве многих государств, независимо от принадлежности к той или иной правовой семье. Чаще всего она носит негативный окрас и признается преступлением. Лишь за некоторыми исключениями (с. 42–45, 72 и др.), которые, на наш взгляд, не влияют на представленную картину и выводы диссертанта.

Добротной получилась и вторая глава «Уголовно-правовая характеристика провокации преступления». В первом параграфе автор раскрывает понятие и признаки провокации через призму ст. 304 УК РФ, приходя к обоснованному выводу, что указанный состав преступления не отражает сути провокации (с. 75–76, 79, 86, 87 и др.).

Весьма интересными представляются результаты опроса оперативных и прокурорских работников на вопрос: «Какими действиями можно спровоцировать преступления?». 77,5% проанкетированных сотрудников оперативных подразделений выбрали вариант ответа «Путем неоднократного склонения лица, намеков и ненавязчивых предложений, создания условий и обстоятельств, способствующих совершению преступления», тогда как сотрудников прокуратуры, выбравших данный вариант ответа, 86,1%.

Резюмируя, автор выводит собственное определение понятию «провокация». «Провокация преступления – это склонение лица к совершению преступления в целях привлечения его к уголовной ответственности».

Во втором параграфе «Соотношение провокации преступления и соучастия в преступлении» констатируется, что отграничение провокатора от соучастника имеет основополагающее значение при формулировании соответствующей нормы, а также неопределимое практическое значение при обнаружении уголовно-правовой природы провокации преступления.

Проводя разграничение между этими понятиями, автор скрупулезно анализирует и сопоставляет признаки соучастия и характеристику действий провокатора. Закономерным выглядит и вывод о том, «что соучастие не исключает того, что мотивы и цели каждого из участников совершаемого преступления могут быть различными¹, вместе с тем цель провокатора одна – это привлечение лица к уголовной ответственности. В отличие от соучастника, который может во избежание наказания ставить субъект преступного воздействия в определенную зависимость под угрозой разглашения сведений о совершенном преступлении, намерения провокатора не обусловлены такой специальной целью, как шантаж, так как он не стремится скрыть преступление» (с. 102–103).

В третьем параграфе «Отграничение провокации преступления от фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности» затронуты спорные вопросы квалификации деяния провокатора по ч. 4 ст. 303 и ст. 304 УК РФ. Обращается внимание, что ч. 4 ст. 303 введена в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, тем самым законодатель попытался предусмотреть новую норму для устранения пробелов в квалификации так называемой «полицейской провокации».

Хотя многие проблемные аспекты остаются спорными, несомненно, что провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, обозначенная в ст. 304 УК РФ, является частным случаем ч. 4 ст. 303 УК РФ «Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности», ввиду чего под провокацией понимают как раз фальсификацию (с. 112).

¹ Шеслер А.В. Соучастие в преступлении: учебное пособие. – Тюмень, 2007. – С. 14.

После изложенного, весьма логичным выглядит предложение об исключении ч. 4. ст. 303 УК РФ и новой редакции ст. 304 УК РФ, обоснованное с точки зрения юридической техники и здравого смысла.

В *третьей главе* «Совершенствование уголовного законодательства и правоприменения в сфере регламентации уголовной ответственности за провокацию преступления» сконцентрированы авторские предложения по модернизации законодательства и практики его применения.

В *первом параграфе* «Обоснование установления уголовно-правового запрета на провокацию преступления» соискатель приходит к выводу о необходимости выделения отдельной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за провокацию любого преступления.

Разумеется, мы солидарны с мнением диссертанта о том, что «провокацию преступления необходимо рассматривать как отклонение от нормы, в силу того что действия провокатора наносят реальный вред общественным отношениям...» (с. 127).

К сожалению, не всегда корректно автор трактует отдельные высказывания ученых, делая это в поддержку своей позиции, тогда как говорится совсем о другом. Например, Ю.П. Гармаев пишет о пассивности, безынициативности сотрудников правоохранительных органов в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, поддерживая нашу позицию о наступательности в борьбе с преступностью, в то время как автор полагает, что речь идет о провокационных действиях правоохранителей (с. 131).

Вместе с тем, нельзя не признавать, что провокация, по сути, является негативным явлением и действительно наносит существенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, прежде всего, интересам правосудия.

Не менее ценным представляется концептуальный, на наш взгляд, вывод о том, что «На сегодняшний день в российском законодательстве границы между провокацией преступления и активно осуществляемой оперативно-розыскной деятельностью не совсем понятны, в связи с чем Конституционным Судом Российской Федерации не единожды были предприняты попытки разъяснить проблемные вопросы с целью их недопущения впоследствии. Тем не менее уголовно-правовое законодательство нуждается в концептуальной проработке вопроса о том, что считать провокацией» (с. 136).

Еще более значимым полагаем считать вывод, о необходимости разработки прозрачной и четкой процедуры проверочных мероприятий¹. «Таким образом, суть проблемы заключается в проводимом оперативном эксперименте, который может повлечь нарушения норм как Конституции РФ, так и уголовного закона, если спровоцированное лицо, в отношении которого был проведен оперативный эксперимент, совершит преступление, что станет основанием для незаконного уголовного преследования лица, в отношении которого он проводился» (с. 137–138). В этом, на наш взгляд, и кроется истина.

Во *втором параграфе* «Вопросы законодательного регулирования ответственности за провокацию преступления» раскрывается дискуссия относительно криминализации провокации преступления.

---

¹ См. наши единоличные работы и совместные с проф. С.Ф. Милюковым: Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него / С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 4 (40). – С. 45–53; Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке / С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 1 (68). – С. 8–14; Никуленко А.В. Крайняя необходимость и её значение в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 107–112; Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 36–45; Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: опыт диалектической оценки // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1 (1). – С. 151–163.

В контексте законотворческих предложений, заслуживает внимания предлагаемое понятие «вынужденной провокации» (с. 159–160) как исключительной меры для противодействия опасным преступным проявлениям.

Соответствует нашей научной позиции высказывание о существующей пробельности в вопросах квалификации действий провокатора, которая напрямую связывается с длительным отсутствием нормы, регламентирующей уголовную ответственность за провокационную деятельность. В связи с этим необходимо отметить, что накопленный опыт был нивелирован, а вновь введенная в ныне действующий Уголовный кодекс РФ ст. 304 УК РФ хотя и неоднократно дополнялась, все же не способна урегулировать повсеместно возникающие проблемные вопросы, связанные с провокационной деятельностью (с. 161).

Весьма интересно изложены автором вопросы, связанные с проблемами квалификации рассматриваемых деяний.

В конце параграфа диссертантом отмечается, что существующая квалификация действий провокатора по ч. 3 ст. 286 и ч. 4 ст. 303 УК РФ не охватывает всех признаков посягательства, а применение уголовного закона по аналогии для привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществляющих провокационную деятельность, недопустимо.

В третьем параграфе «Уголовно-правовая оценка деяния спровоцированного» раскрывается содержание позиции Верховного Суда по делам, где усматривается провокация преступления. Кроме того, немало ценных идей и заслуживающих поддержки предложений по оценке содеянного провокатором и провоцируемым лицом, сформулировано самим автором.

Вполне согласуется с нашей позицией вывод автора о том, что если посягательством причинен реальный вред, повлекший необратимые последствия, или посягательство осуществлено на объект особо ценный или ценный, то спровоцированное лицо должно нести уголовную ответственность, однако, учитывая, что преступление совершено под воздействием провокатора, наказание необходимо предусмотреть со ссылкой на смягчающее обстоятельство.

Не менее важным видится предложение диссертанта квалифицировать действия спровоцированного лица с учетом смягчающего обстоятельства со ссылкой на ч. 2 ст. 61 УК РФ только в том случае, если вина провокатора в совершении преступления, предусмотренного ст. 304¹ УК РФ, доказана в установленном законом порядке.

Весьма интересным представляются высказанные автором на с. 189–190 условия для осуждения лиц по фактам наркопреступлений, без признания действий сотрудников правоохранительных органов провокационными.

Подытоживает работу информативное и в то же время емкое заключение, в котором аккумулируются основные выводы и предложения автора.

Работа представляет собой логически последовательное и завершённое исследование.

Подчеркнем, что автореферат диссертации отвечает предъявляемым требованиям и адекватно отражает содержание диссертации. В опубликованных О.А. Дизер работах нашли достаточно полное отражение результаты, полученные в ходе научного исследования.

Совокупность отмеченных положений и выводов, обладающих необходимыми признаками научной новизны, образует целостную картину, которая учитывает современные российские реалии и закладывает основы для оптимизации российского уголовного законодательства в сфере дифференциации ответственности за провокацию и совершенствования правоприменительной практики.

Положительно оценивая проведенное О.А. Дизер исследование, отметим, что отдельные положения работы вызывают критическую оценку и могут стать основанием для дискуссии.

1. К сожалению, на страницах диссертации, часто просматривается мнение об увеличении тенденции заявлений о провокации («В российских судах всех уровней в ходе судебного разбирательства обвиняемые все чаще заявляют о провокации в отношении них...»). Причем напрямую это связывается с делами, где результаты расследования (доказательственная база) основываются на материалах ОРД. Нам представляется логичным избранный таковой способ защиты обвиняемых, стремящихся избежать ответственности. При этом, создается впечатление, что автор ратует о недопустимости (иногда даже запрете) ОРД в уголовном судопроизводстве, но ведь без проведения ОРМ, зачастую не представляется возможным раскрывать дела о незаконном обороте наркотических средств и коррупционные преступления, прежде всего, взяточничество.

2. Нельзя не согласиться и с мнением автора о необходимости разработки прозрачной и четкой процедуры проверочных мероприятий. «Таким образом, суть проблемы заключается в проводимом оперативном эксперименте, который может повлечь нарушения норм как Конституции РФ, так и уголовного закона, если спровоцированное лицо, в отношении которого был проведен оперативный эксперимент, совершит преступление, что станет основанием для незаконного уголовного преследования лица, в отношении которого он проводился». На наш взгляд, зря диссертант остановился и не стал развивать тему легитимизации (четкого установления в законе) условий правомерности таких ОРМ, как «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент», хотя, как показывает опыт, и этого бывает недостаточно, но хотя бы четко прописанная процедура могла бы избавить и граждан от необоснованного уголовного преследования, и оперативных работников от погони за показателями путём совершения противоправных действий.

3. К сожалению, нельзя не упрекнуть автора в неверном написании статей Уголовного кодекса РФ, например, на стр. 80, 81, 82 и других: ч. 1 ст. 151.2 (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего); ч. 1 ст. 205.1 (Содействие террористической деятельности).

4. Упомянутый на с. 122 УК Эстонской Республики в настоящее время не действует. С 1 сентября 2002 г. вступил в силу новый Уголовный (или дословно – Пенитенциарный) кодекс Эстонской республики¹. Уголовное законодательство Эстонии в связи с принятием нового Пенитенциарного кодекса существенным образом изменилось.

5. Предлагаемая законодательная новация статьи 304¹ УК РФ не лишена определенных недостатков (положение 9, выносимое на защиту). Так, не вполне понятно кого же следует привлекать к ответственности по части первой предлагаемой нормы, если часть вторая говорит об использовании «своего служебного положения». Если предполагается, что субъект части первой – общий, то как разграничить такое деяние с обычными подстрекательскими действиями по склонению. Видится отличие лишь в цели, что приведет на практике к значительным трудностям в доказывании.

6. Предлагая в положении 10, выносимом на защиту, учитывать в качестве смягчающего наказание обстоятельства «совершение преступления под воздействием провокатора», соискатель почему-то не предусматривает законодательно закрепить указанное обстоятельство, что выглядит несколько нелогичным (разумеется, памятуем, что перечень смягчающих наказание, обстоятельств, является открытым), учитывая констатируемую тенденции к увеличению числа провокационных действий.

---

¹ По нашим сведениям, текст указанного кодекса на русском языке не издавался. См.: Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики. Провозглашен Президентом Республики 26 июня 2001 года. Постановление № 1099. Вступил в действие с 1 сентября 2002 г. Источник публикации: RTI. 2001. 6 июля. 61. 364 // Государственный вестник на русском языке. Правовые акты Эстонии. № 1. 31 января 2003 года, а также: Правовые акты Эстонии. № 17. 2005. 6 декабря.

Отмеченные дискуссионные положения работы не снижают ее качества. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Диссертация О.А. Дизер на тему «Провокация преступления: уголовно-правовой аспект» написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в уголовно-правовую и криминологическую науку.

2. Диссертация О.А. Дизер представляет собой научно квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований, содержится решение научной задачи, имеющей значение для юридической науки и практики. Диссертация соответствует критериям, установленным пунктами 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

3. Автор диссертации – Ольга Александровна Дизер – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

А.В. Никуленко,

Профессор кафедры уголовного права

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»

доктор юридических наук, доцент.

*Научная специальность: 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право)*